

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE REPUBLIC OF
KAZAKHSTAN

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. АЛЬ-ФАРАБИ
ӘЛ-ФАРАБИ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY NAMED AFTER AL-FARABI

ФИЛОЛОГИЯ ЖӘНЕ ӘЛЕМ ТІЛДЕРІ ФАКУЛЬТЕТІ
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИИ И МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ
FACULTY OF PHILOLOGY AND WORLD LANGUAGES

ОРЫС ФИЛОЛОГИЯСЫ ЖӘНЕ ӘЛЕМ ӘДЕБИЕТІ КАФЕДРАСЫ
КАФЕДРА РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
DEPARTMENT OF RUSSIAN PHILOLOGY AND WORLD LITERATURE

**Международная научно-практическая конференция
«Русский язык и литература в современном
образовательном пространстве: теория и практика»**

**«Қазіргі білім беру кеңістігіндегі орыс тілі және әдебиеті:
теориясы мен әдістемесі» атты
Халықаралық ғылыми-әдістемелік конференциясы**

**International scientific-methodological seminar
«Russian language and literature in the modern educational space:
theory, practice, technique»**

Алматы
«Қазақ университеті»
2018

*Международная научно-практическая конференция «Русский язык и литература
в современном образовательном пространстве: теория и практика»
КазНУ имени аль-Фараби, 27 февраля 2018 года*

УДК 80/81(063)
ББК 81.2 Рус -923
К 22

Редакционная коллегия:

член-корреспондент НАН РК, доктор филологических наук, профессор
Б. У. Джалдасбекова
зам. заведующего кафедрой по учебно-методической и воспитательной работе
Ж. А. Баянбаева
Е. Б. Чекина

«Қазіргі білім беру кеңістігіндегі орыс тілі және әдебиеті: теориясы мен әдістемесі:
Халықаралық ғылыми-әдістемелік конференциясы» = «Русский язык и
литература в современном образовательном пространстве: теория и методика»:
Международная научно-методический конференция . - Алматы: Қазақ
университеті, 2018. – 211 с.-қазақша, орысша

ISBN 978-601-04-1544-7

Предназначен для филологов, специалистов гуманитарного профиля,
преподавателей, докторантов, магистрантов филологических специальностей.

80/81(063)

УДК

ББК 81.2 Рус-923

Рекомендовано Ученым советом факультета филологии и мировых языков

© Издательство «Қазақ университеті», 2018 г

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
<i>Абаева Ж.С.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ	5
<i>Abdilda D.M., Bayanbayeva Zh.A.</i> GENRE AND STRUCTURAL FEATURES OF THE NOVEL "IN THE CITY OF VERNIY"	9
<i>Abdullayeva Zh.T.</i> ROLE OF LITERARY TRANSLATION IN THE INTERCULTURAL COMMUNICATIONS	13
<i>Афанасьева А.С., Кайырбек М.Н.</i> МЕТОДИКА РЕКОНСТРУКЦИИ АРХЕТИПА «ДОМ» В ТРИЛОГИИ И. ШУХОВА «ПРЕСНОВСКИЕ СТРАНИЦЫ»	18
<i>Байсалова Х.М.</i> ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ГИПЕРТЕКСТА	22
<i>Бахтикиреева У.М., Кремер Е.Н., Синячкина Н.Л.</i> РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА И РУССКОЯЗЫЧНЫЙ АВТОР С ПОЗИЦИЙ М.М. АУЭЗОВА И О.О. СУЛЕЙМЕНОВА	27
<i>Жаксылыков А.Ж., Алпысбаева Т.</i> АРХЕТИП ПУТИ В ПОВЕСТИ АНУАРА АЛИМЖАНОВА «ДОРОГА ЛЮДЕЙ»	34
<i>Ибраева Д.С., Сапханова Ж.Х.</i> ТЕМА ДЕТСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.П. ШУХОВА	40
<i>Казубек Г.К., Казубек А.К.</i> TRANSLATION WORKS OF TUMANBAI MOLDAGALIEV	43
<i>Какишева Н.Т.</i> К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ И ПРОСТОРЕЧИИ	49
<i>Киынова Ж.К., Ахметжанова А.И.</i> СТАРОСЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	54
<i>Коваленко А.Г.</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 60-80-Х ГГ. XX ВЕКА (В ПОИСКАХ МЕТОДА)	59
<i>Кротова Д.В.</i> ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ПРИНЦИПЫ И КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОЭМЕ ВЕН. ЕРОФЕЕВА «МОСКВА – ПЕТУШКИ»	64
<i>Лотова Е.А., Bayanbayeva Zh.A.</i> THE ISSUE OF THE PERCEPTION THE RUSSIAN POETRY OF WESTERN SLAVIC STUDIES	69
<i>Мейрамғалиева Р.М.</i> ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА	73
<i>Джолдасбекова Б.У., Мырзабек А.</i> РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ МАЛОЙ ПРОЗЫ В РАССКАЗАХ В. ШУКШИНА	79
<i>Сабирова Г.Б., Шанаев Р.У.</i> КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА	83
<i>Сарсекеева Н.К.</i> МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОВЕСТИ О. БОКЕЕВА «СНЕЖНАЯ ДЕВУШКА»	88
<i>Томанова Н.М., Алдабергенқызы Л.</i> КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА	93
<i>Хайрушева Е.Е.</i> ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ИДИОСТИЛЯ	100
<i>Шарапиденова А. Т.</i> О ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ НАЧИНАТЕЛЬНОСТИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНО – ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	105
ОБЩИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	
<i>Абишева Р.Б., Кальменова Р.К., Кемелова Г.М.</i> ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АЗАХСТАНЕ	108
<i>Александрова О.И.</i> О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТАМ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	112
<i>Алиева С.Б.</i> ИСТОРИЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В КАЗАХСТАНЕ В ДОКУМЕНТАХ XIX ВЕКА	116
<i>Джолдасбекова Б.У., Сарсекеева Н.К.</i> МЕТОДИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	123
<i>Григорьева И.В., Туманова А.Б.</i> ИЗУЧЕНИЕ МОДУСНЫХ СМЫСЛОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	127
<i>Гусман Тирадо Рафаэль</i> КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЕЕ СООТВЕТСТВИЯ В ИСПАНСКОМ	132
<i>Ли В.С., Туманова А.Б.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ	

эмоциональным воздействием на слушателей. Культура речи предполагает соблюдение правил речевого общения; владение нормами литературного языка в его устной и письменной формах; умение выбрать и организовать языковые средства, которые в конкретной ситуации общения способствуют достижению определенных коммуникативных целей.

Культура речи и просторечие, при том, что представляют собой противоположные стороны языка, существуют в неразрывном симбиозе, иногда взаимно влияют друг на друга.

Литература.

1. Головин, Б.Н. Основы культуры речи: Учебник для вузов. – М.: Высшая школа, 2008. – 335 с.
2. Голуб, И.Б. Русский язык и культура речи: Учебное пособие. – М.: Логос, 2009. – 432 с.
3. Лекции по русскому языку и культуре речи. МГУ им М.В.Ломоносова, Учебное пособие- М.: МГУ. 2011 – 218 с.

*Ж.К. Кынова, А.И. Ахметжанова
Казахский национальный университет
имени аль-Фараби (Алматы)*

СТАРΟΣЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Безусловно, что формирование научной лексики русского языка непосредственно связано со старославянским, позже церковнославянским языками. Как справедливо замечает В.В. Виноградов: «Будучи языком религии, философии и науки старославянский язык влил в русский язык мощную струю отвлеченной лексики и фразеологии. Например, такие общие понятия как *животное, растение, существо, бытие, действие, понятие, воображение, разум, явление* и т.п., или унаследованы от старославянского языка, или созданы самостоятельно, но на его основе и с помощью нового синтеза и нового осмысления старославянских элементов. Густой слой этих элементов сохранился и в современном русском языке. Таким образом, синтез старославянской и восточнославянской стихий создал мощную базу для широкого и свободного развития русского литературного языка» [1, 140].

Старославянский язык был также языком науки, на котором излагались представления о мире, человеке, истории. Слова, заимствованные из старославянского языка, характеризовались более абстрактным значением по сравнению с синонимичными исконно русскими словами, а в некоторых случаях русский вариант слова исчезает из языка, «уступая» тем самым слову с абстрактным, обобщенным значением. Вполне закономерно, что язык науки использует старославянские модели для создания научной терминологии, так как сам научный стиль языка характеризуется такими стилевыми особенностями, как абстрактность, обобщенность, безличность, логичность и др. Еще в кирилло-мефодиевский период появились термины

для выражения отвлеченного значения, такие как *естество, существо, бытие, небытие, понятие, закон* и др. Возникли новые естественно-научные и другие отрасли знаний. О древней терминологии и культурно-языковых изменениях в связи с принятием христианства восточными славянами написано в труде Ф.И. Буслаева «О влиянии христианства на славянский язык»: «Русская научная терминология создавалась поэтому преимущественно именно из церковнославянского материала. Мы говорим *млекопитающие* и при этом представляем себе определенный класс животных, имеющий целый ряд общих признаков; слово это для нас такая же «этикетка», как *рыбы* или *птицы*. Но это именно потому, что составные элементы этого слова не великорусские, а церковнославянские: если слово *млекопитающие* заменить *молококоормящие* (заменив церковнославянские компоненты на соотнесенные русские), то «этикетки» не получится, а будет определенное «высказывание» лишь об одном, а не о всех признаках данного класса животных, – и это потому, что слишком конкретно и определенно-обыденно значение великорусских слов *молоком* и *кормить*. Точно так же, как *млекопитающие*, образованы, например, такие термины и «новые слова», как *млечный путь, пресмыкающееся, влияние* и многие другие: если бы вместо них составить слова из чисто великорусских элементов (молочная дорога, ползающие, вливание), то от ассоциаций с конкретными обыденными представлениями трудно было бы отделаться и «этикетки» для соответствующих понятий не получились бы. Вообще, научному, философскому, публицистическому, вообще «теоретическому» языку очень часто приходится стремиться к тому, чтобы обесплотить отдельные слова, потушить их слишком яркое конкретно-жизненное значение. Русский литературный язык уже обладает в этом отношении готовым словарным запасом церковнославянского происхождения, причем весь этот церковнославянский запас слов, корней и формальных элементов по самому месту, занимаемому им в русском языковом сознании, уже является обесплотенным, потушенным. И это – громадное преимущество» [2, 123-124].

Действительно, старославянская лексика явилась мощным средством формирования научного языка, так как в отличие от русизмов, славянизмы (слова, заимствованные из старославянского и церковнославянского языков) обладали широкой сетью абстрактных значений и развитой системой переносных метафорических и символических значений. При этом развитие таких значений – это результат различных преобразований в семантике слов, которые происходили в русском языке под воздействием не только внутрилингвистических, но и экстралингвистических факторов. По сути, слово, изменяя свое значение, называет новые реалии и понятия, что способствует формированию терминологических номинаций, как одной из составляющих лексического континуума. Такие изменения в семантике слов непосредственно связаны «миром вещей и понятий», с развитием разных сторон общества и обусловлены потребностями номинации. Е.С. Копорская,

анализируя виды семантических процессов на примере славянизмов выделяет такие характерные для терминологической номинации процессы, как специализация и терминологизация. «Большую роль в становлении, уточнении значений славянизмов имел и процесс специализации значений. Это особенно касается слов с широкими, недифференцированными значениями, характерными для целого ряда славянизмов. Процесс специализации значений особенно типичен для формирующейся философской, научной лексики. Семантические преобразования книжно-славянизмов способствовали наполнению их новым актуальным для своего времени содержанием, вели к формированию новых значений, обозначающих понятия, связанные с разнообразными сферами общественной, социально-политической и культурной жизни страны» [3, 6]. Такой семантический процесс, характерный для славянизмов, как специализация их значений активизировался еще с конца XVII века. В этот же период, то есть в Петровскую эпоху, в связи с развитием разных отраслей науки славянизмы с общей семантикой широко используются для передачи различных терминологических понятий различных наук, особенно, физики: *вес, тяжесть, тяготение, давление, груз*. Для обозначения новых понятий, которые требовали своей номинации, использовались слова уже существовавшие, которые уточняли, специализировали свои прежние значения или развивали новые. Так, слово *закон* в ранние периоды развития языка обозначало обычаи, церковные и религиозные обрядовые правила, юридические нормы вообще. Ср., в словаре Срезневского: *Ольга водиша и мужии его на роту по Рускому закону: клашася оружьемъ своимъ, и Перуномъ своимъ и Волосом скотьимъ* («Повесть временных лет»). В конце XVII века у слова *закон* появляется новое значение социального плана, связанное с представлением об устройстве гражданского общества: *И по соборному Уложению и по Градским законам, окопана. ... смертная убойца ... крестьянка* («Древнерусский словарь»). В начале XVIII века сфера употребления слова *закон* в этом значении расширяется: *Было ли время сочинять, и писать разныя законы, уставы, регламенты гражданския, и земныя воинския, и воинския морския* (Феофан Прокопович «Слово о мире»). В самых разнообразных источниках философского характера становится обычным сочетание *естественный закон, гражданский закон, всенародный закон*. В этот же период происходит терминологизация семантики слова *закон*: в естественно-научном языке оно обозначает закономерности развития природных явлений: *Чин и законы небесных движений; Сие весьма прилично знать, по каким законам изрядные и великие небесные тела течение свое совершают*. Л.Л. Кутина в своей работе «Формирование терминологии физики в России» [4] указывает, что самым употребительным словом, выражающим понятие о закономерностях природных явлений, был славянизм *правило*: *правила движения, правила давления жидкостей, правила ударения тел и др.: Так же надлежит и правила о тиснении и движении воды показать* (Расположения учения); *Все произведения*

способом машин и снастей зависят от главного **правила равновесия** (О первом фундаменте); *Доказательство о ее (земли) движении... от самых правил движения* (О движении земли). Вообще слова *правило, закон, устав* не были семантически четко дифференцированы, и потому они часто взаимозаменялись. Слово *правило* употреблялось и в значении «закон науки» – первоначально в сочетании со словами, обозначающими какой-нибудь раздел науки о природе (*правила механики, правила оптики*), а затем и по отношению к родовому понятию – вообще наука. Ср.: *По правилам Диоптрики; О главнейших правилах физической науки*. Позже, слово *закон* в значении «закон науки» вытесняет слово *правило*.

Другим типичным семантическим процессом при формировании терминологической лексики в научной сфере языка было сужение значения, который активизировался в первой трети XVIII века. Так, например, в качестве терминов стали употребляться славянизм *бремя* (в значении «груз», «тело», к которому прилагается сила); *влага, влажность* (в значении «жидкость»); *курение, воскурение* (в значении «пар», «испарение»), *изображение* (в значении «отражение»), *преломление* (луча), *средина, среда* (в значении «среда»). Сужение значения наблюдается устойчивых, более узких словосочетаний, как, например, *источник теплоты, света* (ср.: *источник жизни, благодати, зла, милосердия* и т.д.). Первые термины по физике, возникшие в середине XVIII века, представляли собой сочетания слов, тогда как их более поздние эквиваленты представлены одним словом: *количество вещества – масса; градус теплоты – температура; эластическая масса – упругость; исхождение паров – испарение; скважность тел – пористость; тягость к Солнцу – тяготение*. Эти примеры свидетельствуют о том, что основные тенденции в области терминообразования связаны не только экономией языковых средств, но и емкому воспроизведению того, что должно точно и однозначно называть какое – либо специальное понятие, и раскрывать при этом его содержание. Вообще, как показывают примеры, в «прошлом» для обозначения специальных понятий использовались целые описательные конструкции, которые в современном языке можно выразить одним словом. Например, в научных текстах XVIII века *термометр* описывался следующим образом: *Как жидкия, так и твердые тела от жара растягиваются и в большее место занимают, а от стужи сжимаются и в разсуждении своего пространства или места меньше становятся*.

Интеллектуальный характер научного познания, воспроизводящий результаты мыслительной деятельности и исследовательского процесса, расширяет сферу применения научного стиля, что оказывает, в свою очередь, влияние на его лексику. Абстрактная лексика старославянского языка, глубина детализации значений большинства слов с отвлеченной семантикой связана не только со спецификой обозначаемых понятий, но и с «текучестью», диффузностью самого значения. На такую особенность семантики славянизмов обращал внимание В.В. Виноградов: «В

старославянском типе языка смысловые очертания отвлеченных слов, несмотря на развитость отвлеченной лексики, нередко были неопределенны за границами христианской догматики. Характерно, что один новгородский переводчик конца XV в., переведя латинский трактат о времениисчислении для передачи латинского *spatium* воспользовался словом *продолжение*, но затем пояснил его словом *пространство*» [5, 47].

Известно, что основные черты научного стиля в русском языке сложились в XVI–XIX вв., но активные способы образования терминов на основе продуктивных словообразовательных моделей приходится на конец XVII – начало XVIII вв., что было связано с Петровскими преобразованиями, и, как следствие, новых языковых средств, призванных обслуживать все возрастающие потребности в области техники, науки, культуры и искусства. Однако, несмотря на заимствования иноязычной лексики и новообразования, область обозначения книжных отвлеченных понятий оставалась за славянизмами. По словообразовательным типам старославянского языка стали создаваться термины, обозначающие новые реалии и понятия. Так, например, суффикс *-тель*, более характерный в древний период для церковнославянского языка, в конце XVII – начале XVIII вв. соединяются с основами не только славянских слов, но и собственно русских: *оберегатель*, *оборонитель*, *нарушитель*, *вручитель*. Кроме того, славянизмы, составляя основной фонд книжных отвлеченных слов, оказывали непосредственное влияние на употребление русских слов, что определялось особенностями семантики книжно-славянской лексики – богато развитой системой отвлеченных значений. Это проявляется в таких параллелях, как *бытие* – *быт*, *течение* – *ход*, *изразить* – *выразить*, *издать* – *выдать*, *исчислить* – *вычислить*, *желание* – *охота*.

Таким образом, старославянский язык оказал самое непосредственное влияние на формирование научной терминологии русского языка. Именно абстрактная отвлеченная лексика старославянского и церковнославянского языков, соответствующая стилевым особенностям научного стиля составила основу стиля, предназначенного для передачи объективной информации о природе, человеке и обществе. В связи с этим представляется справедливой точка зрения В.В. Колесова, согласно которой «естественное развитие современного русского языка показывает его зависимость от норм церковнославянского языка, который мы столь легкомысленно сочли окончательно засохшей ветвью славянского языка: почти все важнейшие термины науки, вновь возникающие кальки, слова отвлеченного значения и т.п. составлены по принципам этого языка и с участием характерных для него морфем, а грецизированные синтаксические конструкции заменяются латинизированными. Именно поэтому язык науки и становится сегодня своего рода заменой церковнославянскому по сакрализованной своей функции» [6, 195].

Приведенные примеры показывают, что старославянский язык сыграл важную роль в обогащении русской лексики, в особенности ее книжного и

абстрактного слоя, относящегося к религиозно-культурной, общественной, хозяйственно-экономической, естественно-научной и интеллектуальной сферам жизни. «Судьба» этих слов в истории русского литературного языка характеризуется тем, что их семантическая структура претерпевала самые различные преобразования, и функционирование которых в научной речи было обусловлено специализацией их значения.

Литература

1. Виноградов В.В. Великий русский язык. – М.: Наука, 1954. – 258 с.
2. Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ. 1990. № 3
3. Копорская Е.С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. – М.: Наука, 1988. – 232 с.
4. Кутина Л.Л. Формирование терминологии физики в России. – М.: Наука, 1966. с. 244-246.
5. Виноградов В.В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. – М., 1958.
6. Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. – СПб.: Изд-во С.- Петерб. ун-та, 2004. – 703 с.

*А.Г.Коваленко
Российский университет
дружбы народов (Россия)*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 60-80-Х ГГ. XX ВЕКА (В ПОИСКАХ МЕТОДА)

Историческая тема в русской литературе имеет длинную историю, которая начинается с повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка», с романов И.И. Лажечникова и М.Н. Загоскина. Она нашла продолжение в период рубежа XIX-XX веков, в советский период, и особенно в 30-е годы. Метод воспроизведения исторических тем в исторической прозе многим обязан известному писателю и литературоведу Ю.Н. Тынянову, автору романов «Пушкин», «Кюхля», «Смерть Вазира Мухтара».

Во второй половине XX века авторами исторической прозы были В. Пикуль, Ю. Давыдов, Б. Окуджава, Д. Балашов, А. Солженицын, Ю. Трифонов.

Интерес к истории вылился также в создание исторических серии биографий об известных личностях «Жизнь замечательных людей» и «Пламенные революционеры».

Возрождению жанра исторической прозы, которое имело место в 60-е годы XX века, способствовало творчество В.С. Пикуля. Валентин Саввич Пикуль (1928-1990) родился в Ленинграде. Пережив блокадную зиму в Ленинграде, в тринадцать лет «бежал из дома», и оказался на Соловках в школе юнг. Служил на Северном флоте. Демобилизован в 1946 году «за нехваткой знаний». Много учится самостоятельно [1, 337].

Первые публикации увидели свет в 1950 году. Поиск собственного пути в литературе привел его к исторической тематике. «Баязет» (1961) – первый исторический роман В. Пикуля, в котором повествуется о малоизвестном